

Альтер М.

Я
ПОМНЮ
ТВОЙ

Альтер М.

Я помню твой выбор

«Автор»

2026

М. А.

Я помню твой выбор / А. М. — «Автор», 2026

Психиатр Арсений Ветров спасает пациентов от фобий, погружаясь в их сны, но однажды обнаруживает, что все они видят один и тот же кошмар с его собственным участием. Распутывая клубок подавленных воспоминаний, он понимает, что двадцать лет назад стал частью жестокого эксперимента, а теперь кто-то «лечит» его собственную травму, заставляя выбирать между спасением каждого. Чтобы победить, ему придётся встретиться с собственной тенью.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, кто смотрит	5
Глава 2. Я помню твой выбор	17
Глава 3. Тот, кто за дверью	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Альтер М. Я помню твой выбор

Глава 1. Тот, кто смотрит

Сон начинался одинаково. Сперва — запах.

Едкий, металлический, с примесью чего-то сладковатого, что бывает только в больницах, где воздух пропитан страхом и хлоркой. Запах проникал в ноздри Сергея задолго до того, как перед его внутренним взором возникла первая картинка. Он узнавал его мгновенно, и мгновенно же его начинало трясти — мелкой, противной дрожью, которую не унять ни усилием воли, ни попытками убедить себя, что это всего лишь сон.

Вслед за запахом приходила тишина. Нет, не просто отсутствие звуков. Это была густая, ватная тишина, звонкая от напряжения, какая висит в операционной перед первым надрезом скальпеля. Сергей стоял посреди длинного, уходящего в бесконечность коридора, освещенного мертвенным, чуть зеленоватым светом люминесцентных ламп. Лампы подмигивали, издавая едва слышный писк, от которого сводило зубы. Стены были выкрашены в бледно-салатовый цвет, а пол покрывал белый кафель с мелкими, почти незаметными трещинками, складывавшимися в паутину.

Он знал, что будет дальше. Каждый раз одно и то же. Он пойдет по этому коридору, и его босые ноги будут прилипать к холодному кафелю. Он будет искать выход, дверь, что угодно, что разорвет эту бесконечную перспективу, но стену справа станут сменять одинаковые двери без табличек, запертые и холодные на ощупь. И чем дальше он пойдет, тем сильнее будет нарастать ощущение чужого присутствия за спиной. Не взгляда — именно присутствия. Кто-то шел за ним, не отставая и не приближаясь, держа дистанцию, словно хирург, соблюдающий стерильность перед операцией.

— Сергей, вы слышите меня? — мой голос прозвучал в тишине кабинета, обитого звукопоглощающими панелями цвета топленого молока. Кабинет утонул в мягком полумраке. Единственным источником света служила неяркая лампа под матовым абажуром, стоящая на низком столике у изголовья кушетки. Света было ровно столько, чтобы разогнать кромешную тьму, но не столько, чтобы разрушить хрупкую архитектуру сна.

На кушетке, вытянувшись в струну, лежал мужчина лет сорока. Его веки подрагивали, выдавая активную фазу быстрого сна, а пальцы рук, выпростанных поверх легкого пледа, то сжимались в кулаки, то судорожно распрямлялись. Дыхание было частым и рваным. Лоб блестел от испарины.

— Слышу, — голос Сергея был глухим, потусторонним. Он говорил, не просыпаясь, находясь в том пограничном состоянии, которого я добивался годами. — Я снова здесь. В коридоре.

— Хорошо. Не открывайте глаза. Оставайтесь там. Но помните: вы не один. Я рядом. Мой голос — это нить, которая связывает вас с реальностью. Что вы видите сейчас?

— Стены. Пахнет... пахнет лекарствами. И чем-то еще. Страхом.

— Отлично. Не ускоряйте шаг. Оглянитесь вокруг. Медленно. Что находится справа от вас?

Я сидел в кресле, достаточно близко, чтобы следить за его мимикой, но достаточно далеко, чтобы не вторгаться в личное пространство. В руке я держал старую диктофонную кассету — маленькую, черную, с наклейкой, на которой аккуратным почерком было выведено: «Объект № 14. Сергей. Аэрофобия. Сеанс 7». Я не пользовался цифровыми записывающими устройствами. Считал, что слабый шум магнитной ленты и механический щелчок клавиши записи обладают своим терапевтическим эффектом. В век цифрового шума аналоговая тишина лечит лучше транквилизаторов.

— Двери, — голос Сергея дрогнул. — Белые двери. Их много. Все закрыты.

— Попробуйте толкнуть одну из них. Любую.

Пауза. Его кадык дернулся, когда он судорожно сглотнул во сне.

— Не могу. Там... заперто.

— Хорошо. Идите дальше. Скажите, когда дойдете до третьей двери слева.

Мой метод был прост и сложен одновременно. Десять лет назад, еще будучи ординатором кафедры психиатрии, я наткнулся на исследование одного японского коллеги, посвященное гипнопедической десенсибилизации. Он утверждал, что кошмар нельзя изгнать, его можно только переписать. Я пошел дальше. Я решил, что не нужно переписывать сон. Нужно стать его соавтором.

Фобия — это рассказ, который человек повествует сам себе, сидя в темной комнате своего подсознания. Это страшная сказка, где он одновременно и жертва, и рассказчик. Я предлагал пациентам третью роль — роль слушателя с правом голоса. Я внедрялся в их сон через голосовую связь, наведенную в состоянии гипнотического транса, и менял повествование изнутри. Я не говорил: «Не бойтесь самолета», — это бесполезно. Я заходил в ангар, где стоял тот самый самолет, который снился пациенту, и красил его крылья в оранжевый цвет. Я заставлял турбины петь детские колыбельные. Я превращал пилотов в плюшевых медведей. Абсурд убивает страх. Символизм, помноженный на эффект присутствия врача, разрушал нейронные связи, державшие фобию на плаву.

— Я у третьей двери, — прошептал Сергей. Пот градом катился по его вискам. — Она... она отличается от других.

— Чем же?

— Она ржавая. Из-под нее идет пар.

Это было интересно. В прошлые сеансы двери были безликими. Мозг Сергея начал спонтанно генерировать новую деталь, пытаясь защититься от моего вторжения. Психика пациента всегда сопротивляется лечению, даже если он осознанно хочет исцелиться. Страх — это хоть

и яд, но яд привычный, уютный, как старый свитер. Новая, пусть и счастливая жизнь, пугает подсознание куда сильнее старого доброго кошмара.

— Прислушайтесь к звукам за дверью. Не открывайте ее, просто приложите ухо к холодной поверхности.

Его дыхание стало еще более частым. Грудная клетка вздымалась, словно он бежал стометровку. Пальцы сжали край пледа с такой силой, что побелели костяшки. Я чуть усилил громкость своего голоса, добавив в него низких, резонирующих обертонов — технику, которую я называл «якорением».

— Спокойно, Сергей. Вы в безопасности. Эта дверь — всего лишь картинка. Проекция вашего ума. Что вы слышите?

— Гул... — выдавил он. — Низкий гул. И чьи-то шаги. Много шагов.

— Чьи это шаги? Вы узнаете их?

В этот момент произошло то, чего я не ожидал. Все мои расчеты строились на том, что подсознание Сергея выдаст стандартный сценарий: толпа людей, идущих на посадку, или очередь в терминале. Аэрофобия редко обходится без социального контекста. Но ответ Сергея заставил меня внутренне напрячься, хотя внешне я остался совершенно неподвижен.

— Это не люди, — сказал он мертвым, бесцветным голосом. — Это что-то металлическое. Инструменты звенят.

— Какие инструменты?

— Скальпели. Зажимы. Они падают на пол. Кто-то их роняет.

Я сделал пометку в блокноте. Отклонение от стандартного паттерна. Возможно, наслоение ятрогении или скрытой травмы, не связанной с полетами. Нужно было действовать аккуратно.

— Сергей, я хочу, чтобы вы отошли от этой двери. Сейчас мы с вами просто пойдем дальше по коридору.

— Я не могу.

— Почему?

— Там... Он стоит.

— Кто?

Рука с ручкой замерла над страницей. Тишина в кабинете стала почти осязаемой. Я смотрел на лицо пациента. Мышцы его лица застыли в маске абсолютного, леденящего душу ужаса. Такого выражения не добиться никаким гипнозом. Так выглядит человек, заглянувший в бездну и увидевший, что бездна смотрит на него в ответ.

— В конце коридора, — прошептал Сергей. — Там человек. Он стоит ко мне спиной.

— Опишите его. Во что он одет?

— Белый халат. Длинный, почти до пят. Он стоит очень прямо.

В белом халате хожу и я. Это нормальная проекция фигуры врача. Пациенты часто переносят мой образ в свои сны, делая меня своим союзником в борьбе с монстрами. Это был хороший знак. Я немного расслабился и приготовился использовать этот образ для финальной стадии проработки страха.

— Отлично, Сергей. Это ваш защитник. Ваш проводник. Подойдите к нему. Он выведет вас из этого коридора.

Но Сергей отрицательно замотал головой, не выходя из транса. Слеза скатилась из уголка его плотно зажмуренного глаза и упала на кожаную обивку кушетки, оставив на ней темную дорожку.

— Нет-нет-нет, — зачастил он. — Я не пойду к нему. Я не хочу, чтобы он оборачивался.

— Почему вы боитесь его лица? Это всего лишь сон.

— Потому что там... там нет спины.

— Что вы имеете в виду?

— Его халат... он надет задом наперед. Я вижу завязки. И руки. Они... вывернуты. Он стоит спиной ко мне, но он смотрит. Я знаю, что он смотрит на меня, доктор. У него нет лица, но он смотрит прямо сквозь меня.

Холодок пробежал по моей спине. Не страх, нет. Профессиональное любопытство высочайшего накала, смешанное с микроскопической дозой адреналина. Образ был слишком сложным, слишком гротескным для типичной нейротической фобии. Телесная деформация, ощущение пронзительного взгляда при отсутствии лица — это уже пахло не просто боязнью высоты или замкнутого пространства. Это было ближе к бредовым расстройствам восприятия.

— Слушайте меня внимательно, Сергей, — я перешел на директивный, жесткий тон, отбросив мягкие интонации собеседника. — Сейчас я сосчитаю до трех, и вы вернетесь обратно. Вы покинете этот коридор. Вы не будете подходить к человеку в халате.

— Но он уже поворачивается... — голос Сергея сорвался на хрип.

— Раз, — громко сказал я, вставая с кресла. — Вы чувствуете свои пальцы на ногах. Вы чувствуете холодный пол под ступнями.

— Его руки... они тянутся ко мне... — Сергей начал задыхаться.

— Два! Вы слышите мой голос, Сергей. Это единственное, что реально. Мой голос громче любых галлюцинаций!

Я почти кричал, нарушая собственные предписания о спокойной обстановке, но видел, что он ускользает в какую-то воронку чистого, незамутненного ужаса. Его пульс, отбивавший дробь на видимой части сонной артерии, достиг критической отметки.

— Три!

Я хлопнул в ладоши. Резкий, сухой звук разорвал тишину. Пациент дернулся, распахнул глаза и сел на кушетке, жадно хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Его зрачки были расширены настолько, что радужки почти не было видно — два черных провала, полных отражением настольной лампы.

— Тихо, тихо, — я мягко надавил на его плечо, возвращая в горизонтальное положение. — Вы в безопасности. Вы в моем кабинете. Вот плед, вот стол. Слышите, как шумит кондиционер? Сосредоточьтесь на звуке.

Сергей дышал, судорожно озираясь. Прошло не меньше трех минут, прежде чем осмысленное выражение вернулось в его глаза. Он посмотрел на меня взглядом, в котором плескался стыд пополам с облегчением.

— Простите, доктор Ветров. Кажется, я провалил сеанс.

— Вы ничего не провалили, — я подал ему стакан с водой, стараясь, чтобы мой голос звучал буднично. — Вы дали мне ценнейший материал для анализа. Скажите, когда вы легли спать вчера?

— Около полуночи. Поздно. Заработался с отчетом.

— Кофе? Алкоголь?

— Три чашки эспрессо.

— Вот и ответ на ваш вопрос о причине провала, — я позволил себе легкую, ободряющую улыбку. — Перегрузка нервной системы кофеином на фоне глубокого транса часто рождает пугающие, но абсолютно ложные образы. Мозг просто перегрелся и выдал информационный шум.

Я врал. Нет, насчет кофеина и информационного шума всё было чистой правдой, это работало в девяноста пяти процентах случаев. Но я видел глаза Сергея в момент пробуждения. Там не было информационного шума. Там была встреча с чем-то абсолютно конкретным, что породил не кофеин, а нечто, дремавшее в подкорке.

— Мы продолжим через три дня, — я помог ему подняться. — Никаких стимуляторов. Теплая ванна перед сном. И постарайтесь думать о чем-то приятном. О море, например.

— Я ненавижу море, — буркнул Сергей, натягивая пиджак. — Меня укачивает.

— Тогда о горах.

Проводив Сергея до двери, я вернулся в кресло и еще долго сидел без движения, глядя на пустую кушетку. Солнце за окном уже клонилось к закату, окрашивая кабинет в медовые тона. Я взял диктофон и нажал клавишу перемотки назад, а затем «Play».

«...там нет спины... Его халат надет задом наперед... он смотрит, хотя стоит спиной...»

Я выключил запись.

Человек без лица, одетый в хирургический халат наизнанку. Где я мог это встречать? Что-то вертелось на периферии памяти, что-то смутно знакомое, как мелодия из детства, которую забыл, но помнишь настроение, ею навеянное. Я открыл верхний ящик стола, где у меня хранились не папки с историями болезней, а личные записи. Небольшая тетрадь в кожаном переплете, исписанная убористым почерком. Дневник сновидений.

Да, я тоже записывал свои сны. Этому нас учили еще на первом курсе: «Врач, исцелился сам». Чтобы работать с чужим подсознанием, нужно держать в узде свое собственное. Я пролистал страницы за последний месяц. Ничего. Пейзажи, лабиринты, типичная тревожная архитектура, присущая любому практикующему психиатру. Никаких вывернутых наизнанку халатов.

— Стареешь, Арсений, — произнес я вслух, захлопывая тетрадь.
Мой метод имел одно уязвимое место — меня самого.

В тот период жизни я работал на износ. У меня была частная практика, репутация «доктора Хауса от гипнологии» (глупое прозвище, данное кем-то из журналистов, но приклеившееся намертво) и плотный поток пациентов. Люди шли ко мне с аэрофобией, клаустрофобией, агорафобией, социофобией, страхом темноты, страхом пауков и страхом публичных выступлений. Я лечил страхи, которые отравляли людям жизнь годами, за несколько сеансов. Парадокс заключался в том, что, погружаясь в чужие кошмары, я, словно водолаз, каждый раз поднимал на поверхность немного ила с их дна. И этот ил оседал во мне.

Жена говорила, что я стал отстраненным. Это было за год до нашего развода. Мы сидели на кухне нашей питерской квартиры, дождь барабанил по карнизу, а она, помешивая ложечкой чай, вдруг спросила:

— Ты видишь меня сейчас, Арсений?

— Конечно, вижу, — ответил я, раздражаясь абсурдности вопроса.

— Нет. Ты смотришь сквозь меня. Как будто я — проекция чьего-то чужого сна.

Я тогда отшутился, сказав что-то про профессиональную деформацию. Но она была права. Я разучился воспринимать реальность как данность. Везде мне мерещились символы, шифры, ключи к подсознанию. Жизнь превратилась в один бесконечный сеанс гипноза, где все что-то значило, но ничто не было настоящим. После развода я переехал в Москву, сменил обстановку, но не метод. Метод был единственным, что у меня оставалось.

Через два дня после сеанса с Сергеем ко мне на прием записалась новая пациентка. Елена, тридцатичетырехлетняя женщина с бледным лицом и застывшим в глазах вопросом. Клаустрофобия. Классический случай. Она не могла пользоваться лифтом, ездить в метро в часы пик, и даже МРТ по назначению гинеколога ей делали под общим наркозом, что было крайне рискованно при ее аллергии на пропофол.

Я принял ее в четверг утром. Она сидела в кресле для первичных консультаций, нервно теребя ремешок сумки. За окном моросил противный октябрьский дождь, капли стекали по стеклу, рисуя причудливые дорожки. Елена рассказывала свою историю сбивчиво, постоянно извиняясь за «глупый страх».

— Понимаете, доктор, — говорила она, глядя в пол, — я не боюсь замкнутых пространств как таковых. Я боюсь, что в этом пространстве не будет выхода. Что стены сомкнутся, и я останусь там навсегда, одна, в темноте, и никто не услышит, как я кричу.

— Это очень распространенное ощущение, — кивнул я, разглядывая ее рисунок на экспресс-тесте «Дом-Дерево-Человек», который я просил сделать всех пациентов. Дерево было нарисовано с мощным стволом, но без единого листа. Мертвое дерево. Интересно. — Скажите, Елена, когда случился первый приступ?

— В шестнадцать лет. Мы с классом поехали на экскурсию в бомбоубежище, там был музей. Я отстала от группы, заблудилась в каком-то техническом коридоре. Свет погас. Я просидела в крошечной тьме сорок минут, пока меня не нашел охранник.

— С тех пор вы боитесь темноты?

— Темноты — да. Но не только. Я боюсь белых стен. Медицинских кабинетов. Любых помещений без окон.

— Хорошо. Я предлагаю вам попробовать нестандартный метод лечения. Мы не будем работать с вашим страхом через беседы или таблетки. Мы встретимся с ним лицом к лицу в безопасном пространстве вашего же сна. Вы согласны довериться мне?

Елена колебалась недолго. Отчаяние — лучший помощник психиатра.

Я провел ее в процедурный кабинет, где уже ждала знакомая кушетка и неяркий свет лампы. Пока она устраивалась, я включил диктофон, проверил батарейки в датчиках пульса и дыхания, прикрепленных к обивке. Все работало идеально. Я достал новую кассету и надписал ее: «Объект № 21. Елена. Клаустрофобия. Сеанс 1».

— Закройте глаза, Елена. Сосредоточьтесь на моем голосе. Представьте, что он — это луч света в темной комнате. Он двигается, и вы следуете за ним. Ваше дыхание замедляется. Раз... два... три...

Погружение прошло гладко. Елена оказалась на удивление гипнабельной. Ее сознание легко скользнуло в транс, словно она всю жизнь только и ждала, чтобы кто-то взял управление на себя.

— Где вы сейчас? — спросил я, когда датчики показали стабильную дельта-активность мозга, характерную для глубокой фазы.

— Коридор, — ее голос звучал удивленно. — Длинный коридор. Здесь пахнет... больницей.

Я замер. Ручка, зажатая в пальцах, перестала двигаться по бумаге. В сознании вспыхнул образ Сергея, лежащего на этой же кушетке два дня назад.

— Опишите коридор подробнее, Елена. Что вы видите?

— Стены. Они бледно-зеленые. Пол в белую и черную плитку. Свет моргает.

Совпадение. Обычное совпадение. Коридор — один из самых распространенных архетипических образов, символ перехода, поиска. Миллионы людей видят коридоры во сне.

— Идите вперед. Медленно. Что вы слышите?

— Тишину. Нет... звук. Как будто металл о металл. Лязг.

Я почувствовал, как пересохло во рту. Черт возьми. Я сделал глоток воды из стоящего на столике стакана, стараясь не греметь кубиками льда.

— Посмотрите направо. Есть ли там двери?

— Да. Белые двери. Они все одинаковые.

— Подойдите к третьей двери слева.

Пауза. Слышно было только ее дыхание и шуршание магнитной ленты в диктофоне. Катушки крутились бесшумно, отсчитывая секунды. Я ждал. Я молился, чтобы она сказала «это простая белая дверь».

— Она... — голос Елены дрогнул. — Доктор, она другая. Она железная. Холодная. Оттуда дует.

Мое сердце пропустило удар. В голове зазвенело. Это невозможно. Информация о ржавой, холодной двери не была в открытом доступе. Мы с Сергеем не обсуждали детали сеанса за пределами этого кабинета. Пациенты не пересекались. Им неоткуда было узнать о «третьей двери слева».

— Не подходите к ней, — приказал я резче, чем следовало. — Елена, посмотрите в конец коридора. Что вы видите?

— Там... там кто-то есть.

— Человек?

— Да. Мужчина. Он стоит ко мне спиной. Он в белом халате.

У меня похолодели кончики пальцев. Я смотрел на Елену, на ее спокойное, почти безмятежное лицо, по которому катились слезы. Она плакала во сне, не осознавая этого. Ее губы шевелились, произнося слова, которые разрушали мою картину мира.

— Он стоит спиной, но... доктор, мне кажется, он меня видит.

— Почему вы так решили? — спросил я, с трудом удерживая голос от дрожи.

— Потому что его халат застегнут на спине. Как будто его надели наизнанку. И я чувствую его взгляд. У него нет лица, но он смотрит. Он смотрит на меня и хочет, чтобы я подошла. Он хочет мне что-то показать. Доктор, мне страшно.

— Выходите! — скомандовал я. — Раз, два...

Я вывел ее из транса экстренным методом, даже не дойдя до счета «три». Елена распахнула глаза, всхлипнула и села, прижимая руки к груди. Ее трясло, зубы выбивали дробь. Я накинул ей на плечи плед, дал воды, сказал дежурные фразы про «нормальную реакцию на погружение». Но внутри у меня все сжалось в тугую ледяной шар.

Когда она ушла, пообещав «подумать над продолжением терапии» (я знал, что она больше не вернется), я закрыл кабинет изнутри и задернул шторы. Мне нужна была тишина и отсутствие солнечного света. Я вытащил обе кассеты — Сергея и Елены — и положил их перед собой на стол.

Два разных человека. Разный возраст, пол, социальный статус, анамнез, тип фобии. Никаких общих знакомых. Разное время сеансов. Идентичный контент кошмара.

Так не бывает. Коллективное бессознательное Юнга? Чушь. Архетипы не бывают настолько детализированы до степени совпадения деталей интерьера. Моргающая лампа, запах лекарств, третья дверь слева, фигура без лица в хирургическом костюме. Это не архетип. Это — симптом. Но симптом чего?

Я чувствовал подступающую головную боль, ту особенную, что начинается в основании черепа и растекается к вискам. Я подошел к аптечке, достал таблетку цитрамона, разжевал ее, не запивая. Горечь немного привела в чувство. Я должен был мыслить клинически.

Вариантов было два.

Первый: случайное совпадение, помноженное на феномен ложной памяти. Я сам, беседуя с ними, мог неосознанно внушить им эти образы. Мы, психиатры, такие же люди, и далеко не всегда можем отследить собственные микроподсказки. Я пересмотрел записи первичных консультаций. Нет. Ни слова о халатах, коридорах и лязге. На первичном приеме мы вообще не касались темы сновидений, мы работали с реальными событиями жизни.

Второй вариант был хуже. Имитация. Кто-то мог «подготовить» пациентов, зная мой метод. Но зачем? Чтобы дискредитировать меня? Слишком сложно. Мои конкуренты не пошли бы на такие многоходовки. Да и знать детали сеанса Сергея никто не мог, если только...

Я не закончил мысль. Она мне не понравилась.

Если только кто-то не внедрился в мой метод глубже, чем я мог предположить. Если только кто-то не использует мой же протокол для воздействия на пациентов до того, как они попадают ко мне.

Следующие несколько дней прошли словно в тумане. Я отменил все сеансы, сославшись на недомогание. Это было отчасти правдой — я почти не спал. Каждую ночь я ворочался в постели, прислушиваясь к звукам собственной квартиры, и вздрагивал от каждого скрипа половиц. Мне нужна была информация. Я поднял все свои старые записи, журналы приема, даже черновики статей, которые писал для профильных изданий.

Я искал любые упоминания о фигуре в перевернутом халате.

Ничего. Абсолютно ничего.

И тогда я вспомнил о старом деле. О папке, которую не открывал уже много лет.

В подвале моей московской квартиры, в картонной коробке с надписью «Университет. Архив», хранились документы, не имевшие отношения к практике. Конспекты лекций, пожелтевшие от времени, старые учебники, распечатки статей. Среди этого хлама лежала тонкая красная папка без названия. В ней содержались записи, сделанные еще в те годы, когда я был студентом медицинского института.

Я нашел ее под грудой старых номеров «Вестника психиатрии».

На папке не было имени, только штамп, полустертый от времени: «...Неврологии. Отделение № 4. Доступ ограничен».

Дрожащими руками я открыл ее. Внутри лежало несколько машинописных листов, скрепленных ржавой скрепкой. Текст был напечатан на старой механической машинке, буквы плясали, где-то проваливаясь, где-то оставляя двойной отгиск. Заголовок гласил: «Протокол экспериментальной терапии индуцированных фобических состояний. Метод глубокого гипнотического внедрения».

Я начал читать, и чем дальше я продвигался по тексту, тем сильнее меня охватывало чувство дежавю, смешанного с ледяным ужасом узнавания. Текст описывал эксперимент двадцатилетней давности, проводившийся в закрытом учреждении над группой добровольцев. Суть эксперимента заключалась в создании искусственного «якорного кошмара» — универсального пугающего образа, который можно было бы использовать для терапии, вызывая его у пациента по команде и так же быстро убирая. Идея была в том, чтобы создать «общий язык страха», понятный любому мозгу, независимо от культурного кода.

Создатели эксперимента спроектировали образ: больничный коридор, запах, свет, дверь и фигура — «Смотритель». Вывернутый наизнанку халат, отсутствие лица, пронзительный взгляд. Этот образ внедрялся в подсознание добровольцев, создавая искусственную фобию, которую потом «стирали».

Я перелистнул страницу.

Список участников эксперимента. Группа «А» (врачи). Группа «Б» (испытуемые). В графе «Руководитель проекта» стояла подпись, которую я слишком хорошо знал. Профессор Соколов, мой наставник, человек, который учил меня основам гипноза и который десять лет назад скончался от инсульта в своей лаборатории.

А ниже... ниже шел список студентов, привлеченных к проекту в качестве ассистентов для «мониторинга состояния испытуемых». Фамилии шли в алфавитном порядке.

В самом низу страницы я увидел свою.

Ветров А. А.

Мои ноги подкосились, и я тяжело опустился на холодный бетонный пол подвала.

Я был там. Я участвовал в этом эксперименте двадцать лет назад. Но я абсолютно, совершенно ничего об этом не помнил. Ни единой детали. Ни единого лица. Двадцать лет моей жизни были стерты, словно неудачная запись на магнитофонной ленте. Я смотрел на собственную фамилию, выведенную под копирку, и не мог понять, кто я — врач, который лечит, или подопытный кролик, которого вылечили от самого себя?

На следующий день я позвонил Сергею.

— Алло? — голос его звучал удивленно. Я никогда не звонил пациентам лично.

— Сергей, это доктор Ветров. Простите за внезапный звонок. У меня к вам всего один, довольно странный вопрос. Вы не могли бы сказать... вам никогда не снился этот коридор до того, как вы начали терапию у меня? Может быть, в детстве? Или в юности?

Повисла долгая пауза. Я слышал, как на заднем плане у него играло радио.

— Странно, что вы спросили, доктор, — ответил он медленно. — Я как раз хотел вам об этом рассказать на следующем сеансе. Я пытался вспомнить ощущения. Этот сон... он кажется мне смутно знакомым. Как будто я видел его очень, очень давно. Но это невозможно.

— Почему невозможно? — спросил я, уже предчувствуя ответ.

— Потому что я не видел снов с детства, доктор. Совсем. Я забыл, что такое сновидения. Меня лечили от ночных кошмаров, когда мне было четырнадцать. В каком-то специальном санатории. После этого я спал как убитый. До встречи с вами.

Я положил трубку и долго смотрел на свое отражение в темном экране монитора. Специальный санаторий. Четырнадцать лет. Двадцать лет назад.

Круг замыкался. Все мои пациенты видели не просто случайный кошмар. Они видели мой забытый эксперимент. Фигура без лица — это был не плод их фантазии. Это был я, двадцатитрехлетний студент-медик, стоящий спиной к группе испытуемых и записывающий что-то в планшет. Халат, надетый наизнанку, чтобы не пронести инфекцию из «грязной» зоны в «чистую»... или наоборот.

Я был автором их кошмара. Я был «Смотрителем».

Но кто тогда «лечит» сейчас? Кто заставил их вспомнить то, что должно было быть стерто навсегда? И, главный вопрос, который жужжал в моем воспаленном мозгу назойливой мухой: если все они начали видеть этот сон, значит, кто-то включил программу заново. Кто-то очень хочет, чтобы я вспомнил то, что случилось в четвертом отделении двадцать лет назад. И этот кто-то дает мне выбор, о котором я пока не имею ни малейшего представления. Выбор между спасением каждого из них, чей разум сейчас затягивает в воронку старого, гниющего кошмара.

Мне предстояло узнать, что я не просто психиатр. Я — пациент номер ноль.

Но это будет завтра. А пока я сидел в темноте кабинета и слушал, как в диктофоне с тихим шипением крутится кассета, на которой голос Елены без конца повторял одну и ту же фразу:

«Он хочет мне что-то показать... он смотрит на меня... у него нет лица... он смотрит...»

Глава 2. Я помню твой выбор

Спать я не мог.

Красная папка лежала на журнальном столике в гостиной, и от неё, казалось, исходил слабый электрический гул, который я ощущал затылком, даже находясь в спальне. Я ворочался с боку на бок до трёх часов ночи, глядя в потолок, на котором плясали тени от ветвей старого тополя за окном. Ветки царапали стекло, словно чьи-то скрюченные пальцы просились внутрь. В голове крутился один и тот же мысленный вихрь: я был там, я участвовал, я ничего не помню, и теперь мои пациенты расплачиваются за мою забытую вину.

В конце концов я встал, заварил крепкий чай и уселся за кухонный стол, разложив перед собой содержимое папки. Нужно было изучить каждый лист, каждую строчку, каждую фамилию, потому что ответы — если они вообще существовали — прятались именно там, в машинописных строках двадцатилетней давности.

Я снова перечитал протокол. На этот раз медленно, с карандашом в руке, делая пометки на отдельном листе.

«Протокол экспериментальной терапии индуцированных фобических состояний. Метод глубокого гипнотического внедрения. Учреждение: Федеральный центр неврологии и психиатрии имени академика Бехтерева. Отделение № 4. Год проведения: две тысячи шестой».

Две тысячи шестой. Двадцать лет назад. Мне было двадцать три. Я только закончил четвёртый курс и проходил летнюю практику под руководством профессора Соколова. Виктор Михайлович Соколов — светило отечественной гипнологии, человек, который мог ввести в транс целую аудиторию одним движением мизинца, легенда, чьи лекции собирали аншлаги, а статьи публиковались в ведущих мировых журналах. Он взял меня под своё крыло, называл «самым перспективным учеником за последние тридцать лет» и обещал, что после окончания института я останусь у него на кафедре.

Я помнил его лицо: высокий лоб, кустистые седые брови, глубоко посаженные глаза, которые, казалось, видели собеседника насквозь. Помнил его голос — низкий, обволакивающий, с лёгким пришепётыванием. Помнил запах трубочного табака, которым насквозь пропах его кабинет. Но я совершенно не помнил четвёртого отделения. Не помнил коридора. Не помнил испытуемых. Двадцать лет жизни лежали передо мной как открытая книга, но одна глава была вырвана с мясом, оставив только рваные края на сгибе.

Я перевернул страницу.

«Цель эксперимента: создание универсального индуктора страха (кодовое обозначение — "Образ Ноль") для последующей разработки метода быстрой десенсибилизации. Гипотеза: существует глубинный архетипический образ, вызывающий устойчивую реакцию ужаса у девяноста процентов испытуемых независимо от культурного бэкграунда и личного травматического опыта».

Дальше шло описание «Образа Ноль». Те самые детали, которые я слышал от Сергея и Елены: больничный коридор, люминесцентные лампы, бледно-салатовая краска, запах антисептика, холодный кафельный пол. Третья дверь слева. И фигура, названная в протоколе «Оператором» — человек в хирургическом халате, надетом задом наперёд, стоящий спиной к наблюдателю, но вызывающий отчётливое ощущение прямого зрительного контакта.

Авторы протокола утверждали, что этот образ был синтезирован искусственно, на основе комбинации нескольких базовых страхов: страх медицинского вмешательства, страх обезличивания, страх наблюдения и страх потери контроля над телом. Но теперь, читая эти строки, я чувствовал, что теория, стройная на бумаге, в реальности оказалась миной замедленного действия. Они создали не просто «универсальный индуктор». Они создали вирус. Меметиче-

скую инфекцию, которая, будучи однажды внедрённой в сознание, дремала там годами, чтобы однажды проснуться и начать пожирать психику изнутри.

Следующий раздел протокола назывался «Методика внедрения». Он был напечатан на отдельном листе, более плотной бумаги, и имел гриф «Совершенно секретно. Экземпляр № 2». Внедрение проводилось в три этапа.

Этап первый: глубокая гипнотическая индукция. Испытуемого погружали в состояние сомнамбулического транса с использованием комбинированного метода — фиксация взгляда на вращающейся спирали Архимеда плюс аудиальное воздействие бинауральными ритмами. Ответственным за этот этап значился «асс. Ветров А. А.». Моя фамилия. Моя работа.

Этап второй: вербальное кодирование. Испытуемому в состоянии транса зачитывался детализированный сценарий «Образ Ноль» с многократным повторением ключевых якорей (запах, цвет стен, звук шагов). Ответственный — «проф. Соколов В. М.». Здесь всё понятно — профессор лично занимался самым тонким этапом, тем, где требовался его гипнотический голос.

Этап третий: амнестическое блокирование. Сразу после внедрения испытуемому давалась постгипнотическая команда, стирающая все воспоминания о сеансе внедрения и о содержании «Образ Ноль». Ответственный — снова «асс. Ветров А. А.».

Меня прошиб холодный пот. Я не просто ассистировал. Я был тем человеком, который зачищал память испытуемых. Я ставил блок. Двадцать три года, студент-отличник, гордость кафедры — и я собственным голосом стирал людям воспоминания о том ужасе, который мы им вживили. И, судя по тому, что мои пациенты сейчас начали видеть этот кошмар, блок, поставленный мной, начал разрушаться.

Но почему? Почему именно сейчас, спустя двадцать лет?

Я открыл последнюю страницу протокола. Список участников.

Группа «А» (исследователи):

Соколов В. М. — руководитель проекта.

Рейн А. Э. — ведущий нейрофизиолог.

Громова Л. С. — клинический психолог.

Ветров А. А. — ассистент, оператор гипноиндукции и амнестического блокирования.

Группа «Б» (испытуемые):

Объект № 1. Пол: женский. Возраст: 28 лет. Диагноз: генерализованное тревожное расстройство.

Объект № 2. Пол: мужской. Возраст: 34 года. Диагноз: панические атаки.

Объект № 3. Пол: мужской. Возраст: 19 лет. Диагноз: социофобия.

Объект № 4. Пол: женский. Возраст: 41 год. Диагноз: агорафобия.

Объект № 5. Пол: мужской. Возраст: 14 лет. Диагноз: ночные кошмары неясной этиологии.

Четырнадцать лет. Мальчик. Я перечитал эту строчку трижды, хотя смысл её дошёл до меня сразу, ударом под дых. Объект номер пять. Сергей. Сергею сейчас сорок, он мой пациент, и двадцать лет назад он был мальчиком, которого лечили от кошмаров в каком-то «специальном санатории». Какое совпадение. Нет, не совпадение — закономерность. Он попал в эксперимент ребёнком, ему вживили «Образ Ноль», а потом я, двадцатитрёхлетний ассистент, стёр ему память об этом. И теперь, двадцать лет спустя, он снова пришёл ко мне, потому что блок слетел, и кошмар начал просачиваться наружу.

Но список на этом не заканчивался. Ниже шли ещё фамилии — мелким шрифтом, почти нечитаемым.

Группа «В» (контрольная выборка, добровольцы без клинического диагноза):

Объект № 6. Без данных.

Объект № 7. Без данных.

Объект № 8. Без данных.

И в самом низу, отдельной строкой, приписанной явно позже, другим шрифтом и, кажется, другой машинкой:

Объект № 9. Ветров А. А. Статус: самовнедрение. Контроль.

Самовнедрение.

Контроль.

Девятый объект.

Я смотрел на эти слова, и комната вокруг меня начала вращаться, теряя очертания. Я вцепился в край стола так, что ногти оставили следы на мягком дереве. Я был не просто ассистентом. Я был одним из испытуемых. Я сам, добровольно, ввёл себя в транс и вживил себе «Образ Ноль», чтобы проверить, работает ли техника амнестического блокирования. Я стёр память самому себе. И блок, который я поставил, тоже начал разрушаться.

Но если он начал разрушаться, значит ли это, что скоро я сам начну видеть этот коридор? Значит ли это, что фигура в перевёрнутом халате — это не просто мой образ в глазах пациентов, а то, что я увижу собственными глазами, когда засну?

Я захлопнул папку и отшвырнул её на другой конец стола. Дыхание сбилось, сердце колотилось где-то в горле. За окном начало светать — серое, мутное октябрьское утро сочилось сквозь занавески, как разбавленное молоко.

Мне нужна была информация. Мне нужны были ответы. И единственным человеком, который мог их дать, был профессор Соколов. Но Соколов умер десять лет назад от инсульта в своей лаборатории. Или не умер? Или не от инсульта? Или не в лаборатории?

Я вдруг понял, что мои воспоминания о смерти наставника такие же зыбкие и ненадёжные, как и всё остальное. Я помнил, что мне позвонил кто-то из коллег и сообщил скорбную весть. Помнил, что был на похоронах. Помнил серое небо, жидкую грязь кладбища и венки с надписью «Дорогому учителю». Но лица людей, стоявших рядом со мной у могилы, я вспомнить не мог. Как не мог вспомнить и того, кто именно мне звонил. Воспоминание было как фотография, засвеченная по краям: в центре — гроб, обитый красным, а всё остальное тонет в белесом тумане.

Я встал, прошёлся по кухне, пытаюсь унять дрожь в руках. Нужно было действовать. Первым делом — найти других участников эксперимента. Если блок разрушается не только у Сергея, но и у остальных испытуемых, значит, скоро ко мне на приём начнут записываться люди с жалобами на один и тот же кошмар. Вопрос в том, сколько их всего? В протоколе упомянуто восемь объектов, плюс я — девятый. Но это только те, кого внесли в список. А если эксперимент продолжался после того, как я покинул проект? Если Соколов и Рейн вживили «Образ Ноль» десяткам, сотням людей?

Я открыл ноутбук и забил в поисковую строку фамилии исследователей. «Рейн А. Э.». Аркадий Эдуардович Рейн. Нейрофизиолог. Страница загрузилась, и первая же ссылка вела на некролог трёхлетней давности. «Скоропостижно скончался в возрасте шестидесяти семи

лет. Причина смерти — острая сердечная недостаточность». Дальше шли соболезнования от коллег и бывших студентов. Я закрыл страницу. Рейн мёртв.

«Громова Л. С.». Лидия Сергеевна Громова. Клинический психолог. Поисковая система выдала несколько статей пятнадцатилетней давности в «Журнале практической психологии» и больше ничего. Ни соцсетей, ни некролога, ни упоминаний о текущем месте работы. Человек-невидимка. Я пролистал десять страниц поисковой выдачи — пусто. Как будто Громова исчезла из информационного поля сразу после окончания эксперимента.

Оставался Соколов. Виктор Михайлович Соколов. Я набрал его имя в поиске и добавил «Отделение № 4». Система задумалась на секунду и выдала одну-единственную ссылку. Это была архивная новость городского портала за две тысячи седьмой год. Заголовок гласил: «Пожар в Федеральном центре неврологии: есть жертвы». Я кликнул.

«В ночь на семнадцатое марта две тысячи седьмого года в здании Федерального центра неврологии и психиатрии имени академика Бехтерева произошёл пожар. Очаг возгорания находился в подвальном помещении, где располагалось четвёртое отделение. По предварительным данным, причиной возгорания стало короткое замыкание электропроводки. В результате пожара погибли два человека: санитарка ночной смены Мария Игнатьевна Полуэктова и неустановленный пациент, находившийся в палате интенсивной терапии. Вся документация четвёртого отделения была уничтожена огнём».

Документация уничтожена. Два человека погибли. Пожар случился спустя год после эксперимента, в том самом подвале, где мы работали. Совпадение? Я больше не верил в совпадения. Кто-то тщательно замёл следы. Убрал свидетелей, уничтожил бумаги, стёр само упоминание о проекте «Образ Ноль».

Но одна папка уцелела. Одна-единственная красная папка, которая каким-то чудом оказалась в моём подвале. Почему? Кто её туда положил? Я сам? Или кто-то, кто хотел, чтобы я однажды её нашёл?

Я закрыл ноутбук и потёр воспалённые глаза. Ответов не было — были только новые вопросы, наслаивающиеся друг на друга, как годовые кольца на срезе больного дерева. Мне нужно было поспать хотя бы пару часов, иначе сознание начнёт давать сбои, а в таком состоянии я не мог работать с пациентами. Но стоило мне закрыть глаза, как перед внутренним взором возникал бледно-салатовый коридор, и я понимал, что сон не придёт.

В девять утра я всё-таки заставил себя принять душ, выпить кофе и отправиться в кабинет. У меня были запланированы приёмы, и отменять их в третий раз подряд означало бы вызвать ненужные вопросы. К тому же мне необходимо было увидеть своих пациентов. Теперь каждый из них был для меня не просто клиническим случаем, а потенциальным участником эксперимента. Мне нужно было проверить, не начали ли и они видеть тот самый коридор.

Первым в расписании стоял Михаил, сорокапятилетний мужчина с социофобией. Он ходил ко мне уже два месяца, и терапия шла успешно: страх публичных выступлений, который когда-то стоил ему карьеры, постепенно отступал. Михаил зашёл в кабинет ровно в десять, как всегда, пунктуальный до секунды, и сел в кресло, аккуратно положив портфель на колени.

— Доброе утро, доктор. Я готов продолжать.

Я смотрел на него и пытался представить, мог ли этот сорокапятилетний мужчина двадцать лет назад быть двадцатипятилетним «Объектом № 2»? Диагноз «панические атаки» вполне мог трансформироваться в социофобию за два десятилетия. Но проверить это я мог только одним способом.

— Михаил, — начал я осторожно, — сегодня я хочу немного изменить протокол. Прежде чем мы начнём сеанс гипноза, я задам вам несколько вопросов. Они могут показаться странными, но это важно для диагностики.

— Конечно, доктор. Спрашивайте.

— Вам когда-нибудь снился больничный коридор? Очень длинный, освещённый зеленоватым светом, с белыми дверями по обеим сторонам?

Михаил нахмурился, пытаясь вспомнить. Его пальцы нервно забарабанили по кожаной обивке портфеля.

— Больничный коридор? Не припомню. А почему вы спрашиваете?

— Профессиональный интерес, — я постарался улыбнуться как можно беззаботнее. — Сейчас много исследований по архетипическим образам. А запах антисептика? Лязг металлических инструментов?

— Нет. Ничего такого.

— Хорошо. Тогда начнём сеанс.

Я погрузил Михаила в транс стандартным методом и провёл обычную сессию. Никаких коридоров, никаких фигур в халатах. Он расслабился, проработал свой страх перед аудиторией, и я вывел его из гипноза с чувством выполненного долга. Когда он ушёл, я сделал пометку в журнале: «Михаил. Сновидения без патологий. Возможно, не является объектом эксперимента».

Следующей была Анна, молодая женщина с агорафобией. Она записалась ко мне две недели назад и прошла пока только один сеанс. Я попросил её описать свои сны за последние несколько дней. Она рассказала о типичных тревожных сновидениях: открытые пространства, людные площади, потеря сумки в толпе. Никаких коридоров. Я выдохнул с облегчением.

Но третий пациент заставил меня похолодеть.

Его звали Олег. Тридцатидвухлетний программист, обратился с жалобами на бессонницу и «какой-то повторяющийся кошмар, который не могу вспомнить, но просыпаюсь в холодном поту». Он записался только вчера, через онлайн-форму на сайте, и я не успел толком изучить его анкету.

Олег выглядел измотанным. Мешки под глазами, серый цвет лица, дрожащие руки. Он сел на край кушетки и, прежде чем я успел задать хоть один вопрос, заговорил сам — быстро, сбивчиво, словно боялся, что если остановится, то не решится сказать главное.

— Доктор, я не знаю, что со мной происходит. Последний месяц я не могу нормально спать. Каждую ночь одно и то же: я просыпаюсь в три часа, сердце колотится, весь в поту, и чувство такое, будто за мной кто-то наблюдал. Во сне. Но я не могу вспомнить, что мне снилось! Я пробовал записывать сны сразу после пробуждения, как советуют в интернете, но тетрадь остаётся пустой. Только однажды мне удалось ухватить обрывок. Понимаете, обрывок, как край плёнки, которая порвалась в проекторе.

— Какой обрывок? — спросил я, стараясь сохранить профессиональное спокойствие.

— Дверь. Металлическая дверь, покрытая ржавчиной. И из-под неё идёт пар. Холодный пар, хотя это странно, да? Обычно пар горячий, а этот был ледяной. И ещё звук. Как будто кто-то роняет на пол связку ключей. Или не ключей. Чего-то металлического.

Я медленно положил ручку на стол, чтобы он не заметил, как дрожат мои пальцы.

— Олег, скажите, вы когда-нибудь проходили лечение в специализированных медицинских учреждениях? Возможно, в подростковом возрасте? Санатории, профилактории?

Олег задумался.

— Да, было что-то. Лет в пятнадцать или шестнадцать. Мать возила меня в какой-то центр, потому что я страдал дикими головными болями. Врачи разводили руками, а потом один знакомый посоветовал экспериментальную терапию. Меня лечили гипнозом. Несколько сеансов. После этого головные боли прошли, но... — он осёкся.

— Но что?

— Но мне запретили рассказывать о лечении. Вообще кому-либо. Я подписывал бумагу о неразглашении. Даже матери не говорил, что именно со мной делали. А сейчас, когда вы

спросили... я вдруг понял, что никогда не мог вспомнить лица того врача. Только голос. Низкий такой, с лёгким пришепётыванием.

Соколов. Это был голос Соколова.

Я сделал глубокий вдох и задал вопрос, который боялся задавать больше всего:

— Олег, вы видите человека в конце коридора?

Его лицо изменилось мгновенно. Серый оттенок кожи стал белым как мел, глаза расширились, а дыхание перехватило, словно ему на грудь положили бетонную плиту.

— Откуда вы знаете? — прошептал он. — Я никому не говорил. Я сам не знал, пока вы не спросили. Но сейчас... сейчас я вспомнил. Там стоит человек. Спиной ко мне. В белом халате. И он... он начинает поворачиваться.

— Не смейте! — резко оборвал я, вскакивая с кресла. — Не вспоминайте дальше. Не сейчас.

Олег замолчал, ошеломлённый моей реакцией. Я попытался взять себя в руки.

— Простите, Олег. Я не должен был так реагировать. Просто то, что вы описываете, — это очень серьёзный симптом. Я хочу предложить вам срочный сеанс глубокого гипноза. Прямо сейчас. Мы должны заблокировать этот образ, пока он не развился в полноценную фобию.

— Заблокировать? — переспросил он. — Вы можете его заблокировать?

— Я попробую.

Я уложил Олега на кушетку, включил диктофон и начал стандартную индукцию. Голос звучал ровно, но внутри меня бушевал шторм. Олег был ещё одним объектом. Одним из восьми. Или одним из многих? Сколько ещё таких «бомб замедленного действия» разбросано по городу, по стране? И все они, как по команде, начали видеть один и тот же сон в одно и то же время. Почему? Что послужило триггером?

— Олег, вы слышите мой голос. Вы полностью расслаблены. Сейчас я попрошу вас представить себе экран. Белый, светящийся экран, как в кинотеатре...

Погружение шло тяжело. Его сознание сопротивлялось, цеплялось за реальность, словно боялось, что во сне его ждёт нечто невыносимое. Но постепенно я сломил сопротивление, и дыхание Олега выровнялось, а веки перестали подрагивать.

— Где вы сейчас, Олег?

— В коридоре, — его голос звучал бесцветно. — Здесь холодно.

— Опишите коридор.

— Длинный. Зеленоватый свет. Пахнет больницей. Справа двери. Много дверей.

— Подойдите к третьей двери слева. Что вы видите?

— Она металлическая. Ржавая. Из-под неё идёт пар.

— Не открывайте её. Посмотрите в конец коридора. Там кто-то есть?

Пауза. Я видел, как напряглись мышцы его лица. Где-то под закрытыми веками глазные яблоки совершали быстрые движения — он смотрел, он видел.

— Да, — выдохнул Олег. — Там человек.

— Во что он одет?

— Белый халат... надетый задом наперёд. Он стоит ко мне спиной. Но он... он знает, что я здесь.

— Олег, слушайте меня очень внимательно, — я максимально усилил директивные интонации, вкладывая в голос всю силу внушения, какую только мог мобилизовать. — Этот человек не опасен. Это просто картинка. Это сон. Сон, который вы контролируете. Сейчас я дам вам команду, и вы проснётесь. Но перед пробуждением вы сделаете одну вещь. Вы возьмёте в руку пульт дистанционного управления. Вы видите его?

— Вижу, — неуверенно произнёс Олег.

— Нажмите на кнопку «Выключить». Выключите этот коридор, как выключают телевизор.

Пауза.

— Я... я нажал.

— Что происходит?

— Коридор... гаснет. Темнеет. Но он... человек... он не исчезает. Доктор, он не исчезает!

Он поворачивается! Я вижу его лицо! О боже, доктор, у него...

— ПРОСНИТЕСЬ!

Я хлопнул в ладоши с такой силой, что зазвенело в ушах. Олег подскочил на кушетке и сел, дико озираясь. Его лицо было белее мела, а в глазах стоял такой ужас, какой я видел только на фотографиях жертв катастроф.

— Что... что это было? — выдохнул он. — Что вы со мной сделали?

— Успокойтесь, Олег. Всё закончилось. Вы в безопасности.

— Я видел его лицо! — закричал он, хватая меня за лацканы халата. — Я видел его, понимаете?! Это были ВЫ!

Я замер. Его пальцы вцепились в ткань моего халата с такой силой, что я слышал треск ниток.

— Это были вы, доктор, — повторил он уже тише, но с той же интонацией леденящего ужаса. — Только... только у вас не было глаз. Вместо глаз были... дыры. Чёрные дыры. И вы улыбались. Вы стояли там и улыбались мне, и говорили что-то, но я не слышал слов, только видел, как шевелятся ваши губы.

Я аккуратно, но твёрдо разжал его пальцы и усадил обратно на кушетку.

— Олег, это была галлюцинация, спровоцированная гипнотическим трансом. Такое иногда случается. Мозг в состоянии глубокого расслабления может генерировать пугающие образы, основанные на случайных ассоциациях. Вы видели меня перед сеансом, ваш мозг запомнил моё лицо и встроил его в ваш кошмар. Это нормально.

Я снова врал. Но что ещё мне оставалось? Сказать ему правду? «Знаете, Олег, двадцать лет назад я участвовал в незаконном эксперименте, где таким как вы, подросткам, вживили в мозг искусственный кошмар, и теперь этот кошмар пожирает ваше сознание, а я — тот самый человек, который должен вас спасти, хотя я сам ничего не помню»? Это был бы прямой путь к тому, чтобы Олег оказался не у меня в кабинете, а в психиатрической лечебнице. Или чтобы он подал на меня в суд. Или и то, и другое одновременно.

— Я выпишу вам мягкое снотворное, — сказал я, заполняя бланк рецепта. — Принимайте по одной таблетке перед сном в течение пяти дней. И позвоните мне, если сон повторится. В любое время, даже ночью. Вот моя визитка, здесь личный номер.

Олег взял рецепт дрожащей рукой. Он больше не смотрел мне в глаза. Он вообще старался не смотреть в мою сторону. Когда он ушёл, я запер дверь кабинета на ключ и прислонился спиной к стене, чувствуя, как подгибаются колени.

Три пациента. Три подтверждённых объекта эксперимента. Сергей, Елена, Олег. Если мой подсчёт верен, то в списке было восемь объектов группы «Б» и неизвестное число объектов группы «В». И все они, возможно, сейчас просыпаются в холодном поту, видя одно и то же — коридор, дверь и фигуру в перевёрнутом халате.

Но хуже всего было то, что сказал Олег. Фигура носила моё лицо. Не Соколова, не Рейна — моё. Значит, в коллективном кошмаре, который мы создали двадцать лет назад, я был не просто ассистентом. Я был центральным персонажем. Я был тем «Оператором», которого боялись испытуемые. Я был чудовищем, живущим в конце коридора.

И если блок памяти разрушается у них, значит, скоро он разрушится и у меня. И тогда я увижу этот коридор не чужими глазами, а своими собственными.

Я подошёл к окну и выглянул на улицу. Октябрьский дождь размывал очертания домов, превращая город в серую акварель. Где-то там, за пеленой дождя, прятались ответы. Возможно, в архивных подвалах сгоревшего Центра Бехтерева. Возможно, в памяти людей, участвовав-

ших в эксперименте. А возможно — в моей собственной голове, запертые под слоем самовнушения двадцатилетней выдержки.

Мне нужно было найти Громову. Лидию Сергеевну. Клинического психолога, которая была третьим участником группы исследователей. Если Соколов мёртв, а Рейн мёртв, то она — последний свидетель, последний ключ к разгадке. Но как найти человека, который двадцать лет не оставлял следов в интернете, не публиковал статей и, возможно, сменил фамилию?

Я снова открыл ноутбук и зашёл в базу данных психологической ассоциации. Громова Лидия Сергеевна — никаких упоминаний. Я попробовал поискать через профессиональные форумы, через социальные сети, через базу диссертаций. Пусто. Она исчезла, словно её никогда не существовало. Но одна вещь привлекла моё внимание. В старой статье пятнадцатилетней давности, той самой, что я видел в поисковой выдаче, была подпись автора. «Лидия Громова, клинический психолог Федерального центра неврологии и психиатрии имени Бехтерева». И в конце статьи — контактный адрес для переписки. Электронная почта.

Я кликнул. Адрес был вида [адрес электронной почты], где [учреждение] — это домен Центра Бехтерева. Домен, который, скорее всего, давно не существует. Но я всё равно скопировал адрес и вставил его в окно нового письма.

«Лидия Сергеевна, — написал я. — Моё имя Арсений Ветров. Мы работали вместе двадцать лет назад в четвёртом отделении, под руководством профессора Соколова. Проект "Образ Ноль". Мне нужно с вами поговорить. Это вопрос жизни и смерти. Пожалуйста, ответьте».

Я нажал «Отправить» и стал ждать. Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Письмо не вернулось с пометкой «адресат не найден», что уже было хорошо. Но и ответа не приходило. Я понимал, что шансы на то, что Лидия Громова до сих пор пользуется этим адресом, близки к нулю. И всё же я продолжал гипнотизировать взглядом значок входящих сообщений, надеясь на чудо.

Чуда не случилось.

Зато случилось кое-что другое. Раздался звонок мобильного телефона. Номер был незнакомый. Я ответил.

— Арсений Александрович? — женский голос, молодой, но с напряжёнными, почти истерическими нотками.

— Да. С кем я говорю?

— Меня зовут Дарья. Я... я была на вашем сайте. Вы лечите фобии, да? У меня... у меня очень странный случай. Мне начал сниться один и тот же сон. Каждую ночь. Уже неделю. Я боюсь засыпать.

Сердце ухнуло вниз.

— Что вам снится, Дарья?

— Коридор. Больничный коридор. Длинный, зеленоватый, с дверями по бокам. Там ещё пахнет чем-то медицинским. А в конце стоит человек. Он стоит ко мне спиной, но я знаю — он на меня смотрит. И ещё... — она всхлипнула. — Мне кажется, я его знаю. Я где-то видела это лицо. Очень давно. Я не могу вспомнить, но это чувство узнавания сводит меня с ума.

Я закрыл глаза и сосчитал до десяти.

— Дарья, вы можете приехать ко мне сегодня? Прямо сейчас?

— Да, я могу. Я... я готова на всё, лишь бы это прекратилось.

Я продиктовал адрес кабинета и положил трубку.

Четвёртый объект. Или пятый, если считать Елену? Я запутался в подсчётах. Их становилось всё больше. Эксперимент двадцатилетней давности набирал обороты, как снежный ком, катящийся с горы, и мне предстояло каким-то образом его остановить, пока он не погрёб под собой всех нас.

Я открыл ящик стола, где лежала красная папка, и снова достал её. Мне нужно было изучить каждую запись, каждый протокол, каждое слово, написанное двадцать лет назад моей собственной рукой. Где-то там, среди медицинских терминов и псевдонаучных обоснований, должен был скрываться ключ. Ключ к разгадке того, почему блоки памяти начали разрушаться именно сейчас. И ключ к тому, кто стоит за всем этим.

Потому что теперь я был уверен: кто-то управлял процессом. Кто-то дёргал за ниточки. И этот кто-то очень хотел, чтобы я вспомнил всё. До последней, самой страшной детали.

Я пролистал папку до самого конца и обнаружил то, на что не обратил внимания в первый раз. Последний лист, приклеенный к задней обложке. Он был надорван, и часть текста отсутствовала, но оставшиеся слова складывались в зловещее послание. Записка была написана от руки, тем же убористым почерком, что и мой дневник сновидений.

«Арсений. Если ты это читаешь, значит, блок начал разрушаться. Не ищи меня. Не пытайся остановить процесс. Ты не сможешь. Единственный способ спасти их — вспомнить всё и сделать выбор. Тот самый выбор, который ты не сделал двадцать лет назад. У тебя мало времени. "Образ Ноль" активен. Когда ты увидишь его своими глазами, будет поздно.

Не доверяй никому. Даже себе. Особенно — себе. Потому что ты — ключ. И ты — замок. Вспоминай. И помни: я помню твой выбор».

Подписи не было. Но я знал этот почерк. Я видел его в своих старых конспектах, в черновиках статей, в рецептах, выписанных пациентам. Это был мой собственный почерк. Я написал эту записку самому себе двадцать лет назад, перед тем как стереть себе память.

Я опустил в кресло и долго сидел неподвижно, глядя на листок бумаги, исписанный моим собственным почерком. В голове звучала одна-единственная фраза, повторяющаяся бесконечным эхом: «Я помню твой выбор».

Какой выбор? Что я не сделал двадцать лет назад? И кто помнит мой выбор, если я сам его забыл?

За окном сгущались сумерки. Дождь усилился, и теперь капли барабанили по стеклу с монотонным упорством, напоминающим стук метронома. Где-то там, в мокрой октябрьской тьме, ко мне ехала Дарья — ещё одна жертва моего забытого преступления. А в кармане моего халата лежал диктофон с кассетой, на которой был записан голос Олега, произносящий слова, от которых стыла кровь: «У него не было глаз. Вместо глаз были чёрные дыры. И он улыбался».

Я дождусь Дарью. Я проведу ещё один сеанс. Я попытаюсь заблокировать её кошмар — или хотя бы отсрочить его возвращение. А потом я должен буду сделать то, чего боялся больше всего: я должен буду уснуть и увидеть этот сон сам.

Потому что, если верить записке, написанной мной самим, я был ключом. И я был замком. И где-то в глубине моего собственного сознания, за семью печатями амнестического блока, скрывался ответ. Ответ на вопрос, что именно произошло в четвёртом отделении двадцать лет назад.

И какой выбор мне предстоит сделать теперь.

Глава 3. Тот, кто за дверью

Дарья приехала через час.

Она вошла в кабинет, стряхивая с зонта капли дождя, и с порога окинула меня взглядом, в котором смешались надежда и отчаяние. Ей было около тридцати — бледная кожа, тёмные круги под глазами, нервно закушенная губа. Одета не по погоде легко: тонкий плащ, промокший на плечах, и шарф, завязанный слишком туго, словно она пыталась защитить горло от невидимых рук. Я предложил ей кресло, чай, плед — стандартный набор гостеприимства, который помогал пациентам расслабиться перед сеансом, но она отказалась от всего, кроме воды.

— Я не могу расслабиться, доктор, — сказала она, и её голос дрожал на грани срыва. — Я пробовала. Пила валерьянку, пустырник, даже коньяк — ничего не помогает. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я оказываюсь там.

— Где именно? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— В коридоре. Вы понимаете, о чём я? Мне кажется, вы понимаете. Вы единственный, кто не покрутил пальцем у виска, когда я позвонила.

Я сел напротив неё, стараясь сохранять ту самую маску профессионального спокойствия, которая за годы практики приросла к лицу, как вторая кожа. Внутри же у меня всё сжималось от нехорошего предчувствия, но показывать это было нельзя.

— Расскажите всё с самого начала, Дарья. Когда появился этот сон?

— Неделю назад. Нет, чуть больше. Десять дней. Сначала это были просто обрывки — запах, вспышка света. Я не придавала значения. Думала, переутомление, у меня сложный проект на работе. Но потом сон стал... детальным. Как будто кто-то включил кино, и оно с каждым разом становится длиннее на несколько секунд. Теперь я прохожу по коридору до середины, вижу ту самую дверь и... — она запнулась, поднесла стакан к губам, сделала судорожный глоток. — И человека в конце.

— Что делает этот человек?

— Ничего. Просто стоит. Спинай ко мне. В белом халате. Но я знаю — он ждёт. Ждёт, пока я подойду. И самое страшное... — Дарья подняла на меня глаза, и я увидел в них отражение того ужаса, который уже видел сегодня у Олега. — Самое страшное, что я хочу подойти. Меня тянет к нему. Как будто он — единственный, кто знает правду обо мне. Как будто я должна у него что-то спросить.

— Вы уже видели его лицо? — осторожно поинтересовался я.

— Нет. Но я знаю, что оно мне знакомо. Я не помню откуда, но это чувство узнавания такое сильное, что меня тошнит. Доктор, что со мной? Я схожу с ума?

— Нет, Дарья. Вы не сходите с ума, — я сказал это с той уверенностью, на какую только был способен. — То, что вы описываете, имеет вполне конкретную неврологическую природу. Я сталкивался с подобными случаями. Мы сможем с этим справиться.

Я снова врал. Но теперь эта ложь была окрашена в тона отчаянной надежды — не столько для неё, сколько для меня самого. Если я смогу помочь ей, значит, у меня есть шанс помочь всем остальным. И себе.

— Я предлагаю провести сеанс гипнотической регрессии, — сказал я, доставая чистую кассету для диктофона. — Мы не будем исследовать ваш кошмар — наоборот, мы попробуем поставить на него блок. Временный, но достаточно сильный, чтобы вы смогли нормально спать. Согласны?

— Да. Только... — она замялась. — Вы будете рядом? Если он начнёт поворачиваться, вы меня разбудите?

— Обещаю.

Я уложил Дарью на кушетку, поправил датчики и начал погружение. Она оказалась на редкость гипнабельной — уже через пять минут её сознание соскользнуло в транс, словно камень в тёмную воду. Дыхание замедлилось, лицо разгладилось, пальцы перестали теревить край пледа. Я включил запись.

— Дарья, вы слышите меня? Где вы сейчас?

— В коридоре, — её голос был ровным, почти сонным. — Здесь холодно.

— Оглянитесь. Что вы видите?

— Стены. Они бледно-зелёные. Пахнет лекарствами. Пол... пол скользкий. Я босиком.

— Посмотрите направо. Есть ли там двери?

— Да. Белые двери. Их много. Они все одинаковые.

— Подойдите к третьей двери слева.

Пауза. Её веки дрогнули, но лицо осталось спокойным.

— Она другая. Металлическая. И на ней замок. Большой висячий замок.

Замок. Раньше никто из пациентов не упоминал замок. Новый элемент. Я сделал пометку в блокноте: возможно, по мере разрушения блока кошмар эволюционирует, обрастает новыми деталями. Это было плохим знаком — означало, что процесс не статичен, а прогрессирует.

— Что вы слышите за дверью, Дарья?

— Тишину. Нет, не тишину. Там кто-то дышит. Медленно. Очень медленно. Как будто спит.

— Это не ваша забота. Идите дальше. Что в конце коридора?

— Там человек. Он стоит ко мне спиной. Белый халат. Плечи широкие. Это мужчина.

— Вы знаете этого мужчину?

Дарья замолчала. Я смотрел на датчики — пульс участился, но оставался в пределах нормы. Однако её лицо начало меняться: на лбу выступила испарина, губы побелели. Она пыталась что-то сказать, но слова застревали в горле.

— Дарья, вы в безопасности. Мой голос — ваш якорь. Ответьте на вопрос: вы знаете этого мужчину?

— Он... — она судорожно вздохнула. — Он похож на вас.

Я ожидал этого. После Олега я был готов к тому, что фигура в кошмаре носит моё лицо. Но то, что она сказала дальше, заставило меня вздрогнуть.

— Но это не вы, — продолжила Дарья. — Это кто-то старше. У него седые волосы. И очки. Он не молодой. Ему лет шестьдесят. И он... он плачет.

— Плачет? — переспросил я, чувствуя, как пересыхает в горле. — Вы видите его лицо? Вы же говорили, что он стоит спиной.

— Он повернулся, — прошептала Дарья. — Он повернулся, и я вижу его лицо. Доктор, он плачет. Слёзы текут по щекам. И он смотрит на меня и говорит...

— Что он говорит? — я почти кричал, забыв о протоколе, забыв о необходимости сохранять спокойный тон.

— Он говорит: «Прости меня. Я не должен был заставлять его выбирать».

В кабинете повисла звенящая тишина. Я слышал только шуршание магнитной ленты в диктофоне и собственное сердце, гулко бьющееся где-то в висках. «Я не должен был заставлять его выбирать». Эта фраза эхом отозвалась где-то в глубине сознания, разбудив смутное, почти осязаемое воспоминание. Чей-то голос. Низкий, с пришепётыванием. Профессор Соколов. Я почти увидел его лицо — не такое, как в некрологе, а живое, встревоженное, склонённое надо мной. Но картинка рассыпалась, едва я попытался её удержать.

— Дарья, спросите его, — я старался говорить ровно, хотя внутри бушевал ураган. — Спросите, какой выбор он имел в виду.

— Он не отвечает. Он только качает головой. И показывает рукой на дверь. На ту, с замком. Он хочет, чтобы я открыла её. Но я боюсь. Доктор, я очень боюсь.

— Не открывайте. Не приближайтесь к ней. Вы слышите меня? Немедленно возвращайтесь назад!

Но было поздно. Дарья вдруг выгнулась дугой на кушетке, её пальцы вцепились в обивку с такой силой, что я услышал треск ткани. Показатели пульса на мониторе резко скакнули вверх — восемьдесят, девяносто, сто двадцать ударов в минуту. Она задыхалась часто и рвано, как загнанный зверь.

— Я не могу... — простонала она. — Дверь открывается. Замок падает. Я не трогала его, клянусь, я не трогала, но он падает сам! Там... там внутри...

— ДАРЬЯ, ПРОСНИТЕСЬ! СЕЙЧАС!

Я применил экстренный вывод из транса — резкий хлопок перед лицом и громкая команда. Она распахнула глаза и села на кушетке, хватая ртом воздух. По щекам текли слёзы, она дрожала всем телом, а из горла вырывались нечленораздельные звуки — не то плач, не то попытка закричать.

— Тихо, тихо, вы в безопасности, — я протянул ей стакан воды, но она оттолкнула мою руку и вцепилась в плечо, как утопающий хватается за спасательный круг.

— Там были люди, — выдохнула она сквозь рыдания. — За дверью. Много людей. Они лежали на кушетках. Как в операционной. И они все смотрели в потолок. Не моргая. У них были открыты глаза, но они не видели. Они были как... как манекены. Но живые. О боже, они были живые, но не двигались!

— Сколько их было? — спросил я, пытаясь удержать её внимание на конкретном вопросе, чтобы не дать провалиться в истерику.

— Я не считала. Пять. Или шесть. Может, больше. Вдоль стен стояли кушетки, и на каждой кто-то лежал. А в центре комнаты был стол. Хирургический стол. И на нём... — она замолчала, её лицо исказилось от ужаса.

— Что было на столе, Дарья?

— Никого. Пусто. Но простыня была смята, как будто кто-то только что встал и ушёл. И на простыне была кровь. Совсем свежая.

Я помог Дарье подняться с кушетки, усадил в кресло, дал воды, которую она на этот раз приняла. Её билась дрожь, но взгляд постепенно становился более осмысленным. Похоже, шок от увиденного начал проходить, сменяясь тупым оцепенением.

— Это был гипнотический образ, — сказал я, пытаясь убедить в первую очередь самого себя. — Спонтанная генерация подсознания. Такое случается при перегрузке нервной системы. Ничего из того, что вы видели, не существует в реальности.

— Вы не понимаете, — она покачала головой. — Это существует. Я знаю это место. Я была там.

— Где?

— Не помню. Но я узнала запах. Там пахло не просто больницей. Там пахло подвалом. Сыростью и старым деревом. И ещё был звук. Низкий такой гул, как от трансформатора. Я его узнала. Я слышала его в детстве.

— В каком именно месте вы его слышали?

Дарья нахмурилась, пытаясь выудить воспоминание из глубин памяти. Её пальцы массировали виски, губы беззвучно шевелились. Наконец она произнесла:

— В санатории. Меня возили туда в четырнадцать лет. У меня были панические атаки, и мама нашла какого-то профессора, который обещал вылечить меня за неделю. Я провела там пять дней. Мне делали какие-то процедуры, водили на гипноз. После этого атаки прошли. Но я никогда не могла вспомнить, что именно со мной делали. А теперь... теперь я вспоминаю. Подвал. Длинный коридор. И человек в белом халате, который говорил со мной перед каждым сеансом.

Я слушал её, и в моей голове с оглушительной ясностью складывалась картина, от которой холодили руки. Дарья была ещё одним объектом. Объектом № 1 из группы «Б» — женщина, двадцать восемь лет на момент эксперимента. Сейчас ей сорок восемь, но выглядит она моложе из-за особенностей внешности. И она помнила подвал. Помнила коридор. Помнила профессора.

— Дарья, как звали того профессора? — спросил я.

— Не помню. Фамилия на «С». Соловьёв? Сомов? Соколов! Точно, Соколов. У него ещё была привычка пришепёвывать.

Я закрыл глаза. Круг замыкался всё туже. Все пациенты, приходившие ко мне в последнее время, были не просто случайными людьми с фобиями. Они были участниками одного и того же эксперимента, проведённого двадцать лет назад в подвале Центра Бехтерева. И каждый из них сейчас проходил через одно и то же — разрушение амнестического блока и возвращение вытесненного кошмара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.